

Стоило жене старосты замолчать, как в маленьком дворике воцарилась мертвая тишина.

Каждый из стоявших здесь так или иначе приложил руку к случившемуся. Пусть сами они не проливали кровь, но безмолвно взирали на этот кошмар, позволяя ему разрастись до масштабов трагедии.

Чэн Даню оцепенел, не в силах опомниться от услышанного. Все это казалось диким, немыслимым бредом — неужели в их родной деревне творилось подобное зверство?

Договорив, жена старосты зашлась в глухих рыданиях; слезы градом катились по ее осунувшемуся лицу. В молодости страх еще не ведал над ней полной власти, но с годами воспоминания превратились в занозу, засевшую в самом сердце. Избавиться от нее было невозможно — она саднила при каждой мысли о прошлом.

— В последующие недели вам, должно быть, пришлось несладко, — внезапно заговорил Чу Вэй.
— Ведь... погибшее семейство вернулось.

Двадцать лет назад Чу Вэй еще и на свете не было, так что знать о тех событиях он никак не мог, однако его догадка была точно в цель.

— Откуда... откуда ты знаешь? — опешил кто-то из сельчан.

Спросил — и тут же устыдился собственной глупости. Чу Вэй обладал столь удивительной силой, что удивляться его осведомленности не приходилось. На самом же деле юноша просто успел наведаться к Безумному дедушке — всеми позабытому старику, от которого и услышал обрывочные сведения о старой трагедии.

— Все верно, — утирая слезы, всхлипнула женщина. — Какое-то время мы жили словно в кошмаре. Призраки... они вернулись за нами.

Тот страшный период стал для жителей деревни запретной темой, о которой никто не решался заговорить вслух. Семейство Ван Минго, сгинувшее столь мучительной смертью, просто не могло оставить своих палачей в покое. Но почему-то, хоть их тени и являлись сельчанам, пугая несчастных до полусмерти, мстить они не спешили и ничьих жизней не забирали.

И все же люди пребывали в вечном, липком страхе. Жизнь их превратилась в ад: каждый боялся лишний раз оглянуться, ожидая увидеть за плечом бледные призрачные лица. Так продолжалось до тех пор, пока в этих краях не объявился бродячий даос, пообещавший избавить деревню от проклятия.

Во дворике вновь повисло тяжелое молчание. Прошрое, вызванное к жизни простым рассказом, леденило душу.

Чэн Даню стоял словно громом пораженный. Он с детства верил, что их маленькая деревня — это прибежище простых, добродушных людей, готовых в любой момент прийти на выручку соседу. Вся его привычная картина мира только что разлетелась вдребезги.

Пожалуй, Чу Вэй оставался единственным, кто сохранял ледяное спокойствие. Сейчас первостепенной задачей было отыскать пропавшего старосту.

— И как же этот даос решил вашу проблему? Расскажите подробнее.

Жена старосты лишь сотрясалась от рыданий, не в силах вымолвить ни слова, поэтому вперед выступил другой сельчанин. Скрывать что-либо больше не имело смысла. Если не распутать этот узел сейчас, расплата настигнет каждого.

— Он соорудил какую-то печать... Ну, Формацию Пленения Душ, — неуверенно начал мужчина.
— Сказал, что она усмирит мятежных духов и не позволит им вредить живым.

Минуло больше двадцати лет, но те жуткие события настолько глубоко врезались в память очевидцев, что они помнили каждую мелочь.

«Усмирит»... «не позволит вредить»...

Чу Вэй презрительно усмехнулся. Взгляд его сделался опасно-острым.

— И где же находится эта ваша Формация Пленения Душ?

— В лесу, — поспешно ответил мужчина. — Даос упрятал её поглубже в чащу, чтобы никто случайно не набрел.

Деревня лепилась к подножию горного склона, и рощица за домом Чу Вэя служила лишь преддверием настоящего, дикого леса. Глубже высились суровые, окутанные вечным туманом дебри. Именно там, в непроходимой чащобе, и скрывалась зловещая формация.

После долгих дней унылой мороси наконец проглянуло солнце. Жара стояла невыносимая, и яркие лучи нещадно слепили глаза. Однако под сенью вековых деревьев царила промозглая, костистая сырость.

Чу Вэй на ходу жевал пресную лепешку — с утра во рту у него не было ни маковой росинки. Из-за переполоха пришлось выбежать из дома, даже не позавтракав.

Впереди, спотыкаясь о корни, шли несколько пожилых сельчан. Желающих составить им компанию нашлось немного: лесные тропы заросли, да и страх сковывал ноги. Лишь Чэн Даню упрямо плелся следом за другом, не произнося ни слова. Парень все еще пребывал в глубоком шоке. Лицо его осунулось, а во взгляде сквозила растерянность — разум отказывался верить в чудовищную правду.

Он держался поближе к Чу Вэю, словно все остальные превратились во врагов, и лишь в преданном друге детства оставалась последняя опора. Возвращаться домой Даню не хотел. Больше всего на свете он боялся услышать подробности расправы из уст собственных родителей.

«Если его близкие причастны к тому зверству... как ему смотреть им в глаза?»

Отряд продвигался вперед медленно, то и дело петляя. Два десятка лет стерли старые тропы, да и проводники давно разменяли пятый десяток. Несмотря на то что пережитый ужас намертво врезался в их память, местность изменилась до неузнаваемости.

— Кажется, нам туда... — неуверенно пробормотал один из дядек, вытирая пот со лба. — Да только за столько лет деревня разрослась, черт ногу сломит, где тут север, где юг.

Если они продолжают топтаться на месте, спасти старосту будет уже поздно.

Пройдя еще немного, Чу Вэй остановился и внимательно осмотрелся. Вообще-то, эти места были ему знакомы. В деревне совершенствоваться мешали лишние глаза, поэтому он нередко ускользал в чащу, подальше от людских пересудов. Правда, в эту глухую часть леса его еще никогда не заносило. Огромный, бескрайний бор надежно хранил свои тайны — отыскать в нем крошечную магическую печать казалось невыполнимой задачей.

Хуже всего было то, что их горе-проводники окончательно сбились с пути.

— Что-то пейзаж не тот... — подал голос другой старик. — Неужели мы плутаем?

— Да точно говорю, туда нужно идти! Гляди на солнце, мы правильно держим курс!

— Хватит лаяться! Двадцать лет прошло, даос эту чертовщину упрятал в самую глушь, поди вспомни теперь!

Между тем светило уже зависло прямо над их головами, знаменуя наступление полдня. Темные кроны глушили зной, но воздух вокруг дышал могильным холодом. Наблюдая за их бестолковой перепалкой, Чу Вэй хмурился все сильнее. С того самого момента, как прозвучала правда о семье Ван Минго, его лицо словно окаменело.

— Сяо Вэй, — с надеждой обратился к нему один из мужчин. — Мы ведь столько лет сюда не

совались... Помоги, а? Направление-то верное, но где именно этот пустырь — хоть убей, не сообразим.

Взрослые, умудренные опытом мужики теперь робко заглядывали в глаза юноше, лелея слабую надежду на его необычайный дар.

Чу Вэй презрительно фыркнул:

— Когда закапывали кости несчастных, небось старались уйти как можно глубже, чтобы совесть не беспокоила? О сегодняшнем дне вы тогда явно не думали.

Сельчане попытались было что-то возразить, но крыть им было нечем. Каждое слово юноши разило наповал.

Решив не тратить время на пустые препирательства, Чу Вэй достал из широкого рукава небольшой круглый предмет, напоминающий компас. Это была аккуратная деревянная лопань размером с ладонь, испещренная витиеватыми рунами и защитными знаками. В центре ее подрагивала тонкая игла.

Мужчины затаили дыхание. Чу Вэй слегка коснулся пальцем центрального диска — и стрелка бешено завертелась, выписывая круги, пока наконец не замерла, указав строго на северо-запад.

Чу Вэй тут же двинулся вперед.

— Не отставай, — не оборачиваясь, бросил он притихшему Чэн Даню.

Тот покорно зашагал следом. Всегда шумный, неутомонный Даню шел повесив нос, растеряв весь свой задор. Проводники поспешили за ними — оставаться посреди угрюмого леса наедине со своими грехами им совсем не улыбалось.

Они блуждали еще около двух часов, продираясь сквозь густой подлесок, пока Чу Вэй наконец не замедлил шаг. Уставшие и мучимые жаждой мужчины едва переставляли ноги. Никто не догадался взять в дорогу даже флягу с водой, но жаловаться никто не смел. Желание уцелеть и поскорее выбраться из этой проклятой чащи придавало им сил.

Когда юноша окончательно остановился, кто-то из проводников прошептал:

— Мы пришли?... Вроде место знакомое.

Как раз в этот момент меж стволов прошуршал резкий, леденящий сквозняк. Окружающий мир словно вымер — ни шелеста листвы, ни единого птичьего вскрика. Только глухое, давящее

безмолвие.

Мужчины зябко поёжились и невольно придвинулись ближе к Чу Вэю, ища у него защиты.

Спрятав лопань, Чу Вэй обернулся и смерил их ледяным взглядом:

— Теперь вам страшно? А когда двадцать лет назад вы вершили свой самосуд, страха не знали?

Возмездие всегда настигает грешников — это лишь вопрос времени.

От этих слов у Чэн Даню болезненно сжалось сердце. Он ведь знал каждого в их деревне. Помнил, как на Новый год бегал по дворам, поздравлял соседей, получал от них сладости и медные монетки на счастье. Все они казались ему добрыми, улыбчивыми людьми. Он искренне верил в их чистоту и простодушие, считая родную глухомань лучшим местом на земле.

И каков итог? Иллюзия рассыпалась прахом. Человеческое нутро оказалось бездонным колодцем гнили. Как можно было годами скрывать столь чудовищное злодеяние под маской радушия? Не восстань призраки замученных из могил ради справедливой мести, эта тайна так и осталась бы погребенной навечно, а безвинные души никогда не обрели бы покоя.

Пристыженные обвинениями Чу Вэя, мужчины лишь прятали взгляды. Спорить с ним они не смели — только он мог избавить их от неминуемой гибели.

Вдруг лесную тишину разорвал свирепый порыв ветра. Поднявшийся вихрь швырнул в лица сухие листья и пыль, заставив всех зажмуриться. Сквозь гул бури до них донесся надрывный, хриплый плач. Кто-то молил о пощаде.

— Пощадите... Я виноват, каюсь! Брат Ван... умоляю, отпусти меня, отпусти! Это моя вина, мне следовало помешать им! Но клянусь, я сам и пальцем никого из вас не тронул! Лао Чжан, что сгубил твоего сына, давно в могиле! Старик, который поднял на вас руку, лишился рассудка! Да, я стоял рядом, я смотрел, но сам ничего не делал! Пощади!

Безумные выкрики принадлежали старосте. Судя по голосу, несчастный уже окончательно повредился умом от ужаса.

Услышав призывы, Чу Вэй и остальные бросились на звук. Прорвавшись сквозь плотную стену вековых сосен, они выбежали на просторную поляну.

Перед ними раскинулся мертвый круг метров шести в поперечнике. Земля здесь была голой, выжженной — ни единой травинки не росло на ней, что выглядело пугающе неестественно посреди буйной лесной зелени. В самом центре этого проклятого круга, скорчившись, сидел пропавший староста.

Догадка Чу Вэя подтвердилась: неведомая сила притащила мужчину именно к месту древнего погребения. Его одежда превратилась в грязные лохмотья, а истисанные в кровь ноги говорили о том, что он проделал весь этот путь пешком. Не оставалось сомнений — несчастным управлял чужой зловещий разум, заставив его прийти на заклятие.

Староста даже не заметил подоспевших односельчан. Он заворуженно смотрел вверх, лицо его застыло восковой маской смертельного ужаса.

Чу Вэй проследил за его взглядом. Прямо над головой мужчины колыбался клубящийся темный туман. Из него проступали призрачные силуэты — ровно семь фигур. Семья Ван Минго в полном составе.

И пускай духи давно лишились плоти, их невидимый, но осязаемый, полный ненависти взор мгновенно обратился на новоприбывших.

Обычные люди не могли разглядеть призраков, но внезапно нахлынувший могильный холод заставил их задрожать. Воздух вокруг мгновенно заледенел, будто солнце навсегда скрылось за горизонтом.

— Сяо Вэй... — застучал зубами один из мужчин, — почему тут так холодно?

Казалось, они заживо спускаются в преисподнюю.

Чу Вэй даже не повернул головы.

— Потому что ваши старые знакомые стоят прямо перед вами, — ровным, безжалостным тоном произнес он.

Старые знакомые... В этих глухих дебрях не могло быть никого, кроме безвременно сгинувших Ван Минго и его близких.

У мужчин подкосились колени. С глухим стуком они один за другим рухнули перед мертвым кругом.

— Брат Ван, прости нас грешных! Наша вина! Если хочешь мстить — забирай наши жизни, но не трогай детей, заклиная! Наших жен не губи! Каемся, виноваты перед тобой!

Чу Вэй с отвращением наблюдал за их запоздалым раскаянием. Окинув взглядом очертания скрытой в земле Формации Пленения Душ, он вновь поразился изощренной жестокости человеческого племени.

Наконец староста заметил подмогу. Его блеклые глаза вспыхнули безумной надеждой, и он

установился на юношу как на мессию:

— Сяо Вэй! Спаси меня, умоляю! Они здесь, они обступили меня со всех сторон...

Лицо Чу Вэя оставалось маской холодного безразличия. Лишь в глубине глаз клубился гнев.

— Вы хоть понимаете, что за Формация Пленения Душ лежит под вашими ногами? — тихо спросил он.

— Ну... даос говорил, она усмирит их, — дрожащим голосом ответил один из стоящих на коленях. — Чтобы духи не тревожили живых.

Чу Вэй горько усмехнулся:

— Усмирит? Как же легко вы себя оправдали.

В его голосе зазвенела неподдельная ярость:

— Это древняя Формация Пленения Душ! Пойманные в нее духи обречены на вечные муки в этой глуши. Они не могут уйти, лишены права на перерождение и новый круг сансары. Им суждено томиться здесь веками, пока их сущности окончательно не истают и не обратятся в прах!

Слова юноши громом поразили притихших сельчан.

— Сяо Вэй, клянусь всеми богами, мы не знали! — запричитал староста, захлебываясь слезами. — Тот даос... тот мошенник обещал просто прогнать их! Нам и в голову не могло прийти такое зверство!

Впрочем, двадцать лет назад перепуганным до смерти крестьянам было не до тонкостей оккультизма. Они жаждали лишь одного — навсегда избавиться от наводящих ужас призраков.

В эту минуту Чу Вэю безумно хотелось развернуться и уйти, предоставив трусливых грешников их собственной участи. Но когда он поднял глаза на парящие в вышине скорбные тени безвинно убиенных, ноги словно приросли к земле.

Словно почуяв колебания живых, призраки пришли в движение. Лесную глушь прорезал нечеловеческий, яростный вой. Воздух закружился в бешеном танце, столетние сосны застонали под напором урагана.

Плотная, удушливая мертвая энергия хлынула волной, обжигая не хуже январского мороза.

Испуганные сельчане сжались в кучу, безуспешно пытаясь согреться.

Староста, запертый в эпицентре бури, внезапно захрипел и схватился за горло, словно чья-то невидимая костлявая рука пережала ему дыхание. Лицо его стремительно серело — жизненные силы капля за каплей покидали истощенное тело. Еще немного, и его постигнет участь Лао Чжана.

Не выдержав, Чэн Даню вцепился в рукав друга, безмолвно моля о помощи.

Чу Вэй медлить не стал. В его ладони мгновенно веером развернулись талисманы, и юноша смазанной тенью скользнул вперед. В следующее мгновение он уже стоял в центре круга, заслоняя собой хрипящего старосту. С резким взмахом руки золотистая бумага со свистом полетела навстречу наступающей тьме.

При соприкосновении талисмана с бесплотной сущностью раздался громкий хлопок, и во все стороны брызнули яркие искры духовного пламени. Смертельная хватка ослабла. Староста мешком рухнул на иссушенную землю, потеряв сознание.

Но ярость мертвецов было не унять. Буря лишь разгоралась, а небо над верхушками деревьев стремительно затягивало черными тучами. Формация Пленения Душ, сдерживавшая призраков два десятка лет, окончательно истончилась, высвобождая на волю вековую обиду и злобу замученной семьи.

Слишком долгое заточение превратило несчастные души в безжалостных мстительных демонов, не знающих пощады. Не останови их сейчас — и вся деревня захлебнется кровью. Жители начнут гибнуть один за другим, умирая страшной, мучительной смертью.

Однако уничтожить их духовным оружием означало навсегда стереть их из Книги Жизни, лишив малейшего шанса на спасение и будущее рождение. Оставался единственный путь: подчинить разбушевавшихся духов, усмирить их слепую ярость и провести обряд упокоения.

Приняв решение, Чу Вэй резким пинком вытолкнул бесчувственное тело старосты за пределы выжженного круга. Теперь он сам остался один на один с бушующим ураганом мертвой злобы.

Промозглая стужа, могильная сырость и волна чужой невыносимой боли обрушились на его сознание. Сквозь яростный рев призраков Чу Вэй физически ощутил все те страдания, через которые прошла несчастная семья перед смертью. Их предсмертный ужас огненными клеймами отпечатался в его разуме.

Окрепшие за два десятилетия духи обладали колоссальной, разрушительной силой. Сдерживать их натиск становилось все труднее. Не желая причинять им вреда, Чу Вэй сознательно связал себе руки — утихомирить столь свирепых тварей без применения смертоносных техник было задачей почти невыполнимой. Лишь ветхие остатки сдерживающей формации под ногами не позволяли яростным сущностям разорвать его на куски в первое же

мгновение.

Вдруг замученные души с диким воем ринулись на Чу Вэя, разевая призрачные пасти, стремясь поглотить его душу.

Поняв, что медлить больше нельзя, Чу Вэй прижал два пальца к губам и резко прикусил кожу. На подушечке выступили крупные алые капли духовной крови. Стремительным движением руки он начертал в воздухе сложнейшую вязь очищающего заклęcia и с тихим стоном вытолкнул сияющий символ вперед.

Вспыхнувший знак озарил чащу ослепительным золотым светом. Эта вспышка мгновенно рассеяла клубы удушливой тьмы, и леденящий стужу мертвый туман растаял, уступив место мягкому теплу. Шум бури утих. Дикий вой и скрежет смолкли, оставив после себя лишь звенящую, благословенную тишину.

Чу Вэй опустил руку. Над его ладонью теперь мягко парил небольшой стеклянный шар. Внутри него, подобно грозovým облакам, беззвучно метались крошечные силуэты, безуспешно бьющиеся о прозрачные стенки своего нового узилища.

Юноша облегченно улыбнулся, но тут же согнулся в приступе резкого, раздирающего кашля. На губах выступила солоноватая влага. Начертание кровью требовало колоссальных затрат внутренней энергии, и он сильно рисковал, но главное — дело было сделано.

Пока Чу Вэй пытался перевести дыхание, в его разуме внезапно зазвучал обычно ленивый, а теперь дрожащий от сдерживаемого гнева голос Шифу:

«Глупый мальчишка! Разве этому я тебя учил?!»

<http://bllate.org/book/19040/1917714>